

В Сяньду сейчас глубокая ночь. Улицы переполнены шумными торговцами, зазывающими покупателей, а весь проспект залит теплым оранжевым светом бумажных фонариков.

Звон серебряных колокольчиков, крики продавцов, смех и радостные возгласы сливаются в бесконечный поток. Сяньду полностью оправдывает свое название: город процветает и живет так безмятежно, словно это и есть настоящая обитель бессмертных.

Цюй Фэнжу, торопясь на встречу с младшим дядей-наставником Му, поручила Тан Сыцзюэ купить бумажные фонарики у старухи-лодочницы. Шэнь Мубай, разумеется, последовала за Тан Сыцзюэ. Они поспешно приобрели товар у уличного торговца и отправились в укромный уголок, чтобы сжечь их.

Шэнь Мубай, все еще пребывавшая в восторге от суеты и процветания Сяньду, обернулась и, увидев в ночи яркое пламя, поспешно зажмурилась, сложила руки в молитвенном жесте и начала смиренно шептать молитвы речной старухе-лодочнице.

Шум праздника вдали казался приглушенным, будто доносился сквозь толстое стекло, и в этой неясной дымке вдруг послышался звон колокольчиков, раздавшийся прямо над головой.

Шэнь Мубай открыла глаза и подняла взгляд.

В небе проплывал роскошный, богато украшенный паланкин. Его окружала легкая, почти прозрачная дымка, а по четырем углам крыши были подвешены старинные колокольчики, издававшие глухой, мерный звон.

Полог паланкина колыхнулся, и на мгновение показалась красавица, сидящая внутри.

На ней было откровенное, богато украшенное платье из тончайшей ткани, а голову и тело усыпали серебряные украшения, придавая ей облик чарующий и одновременно жутковатый.

В отличие от их масок, закрывавших лишь глаза, лицо красавицы было полностью скрыто приклеенным листом белой бумаги, на котором кое-как, небрежными мазками были нарисованы черты лица.

Легкий ветерок приподнял бумагу, обнажив скрытое под ней лицо с закрытыми глазами — неестественно бледное.

Шэнь Мубай застыла, не в силах пошевелиться, пока ее не окликнул Тан Сыцзюэ:

— Ты на что смотришь?

Шэнь Мубай испуганно воскликнула:

— Ты... ты разве не видел? Тот паланкин, только что... красавица в белой маске!

— Ты говоришь о богине с Фестиваля фонарей? — Тан Сыцзюэ насмешливо улыбнулся. — Ты что, испугалась?

Шэнь Мубай только хотела возразить, но следующие слова Тан Сыцзюэ прозвучали для нее как удар грома:

— В Сяньду те, кто носит маски из белой бумаги — это настоящие призраки.

Лицо Шэнь Мубай мгновенно побелело. С самого детства она до смерти боялась привидений и теперь задрожала всем телом.

Настоящая встреча с нечистью, да еще какая!

Получив весточку от Тан Сыцзюэ, переданную с помощью заклинания, Цюй Фэнжу не знала, чему удивляться больше: тому ли, что Тан Сыцзюэ за какие-то пару дней освоил технику передачи голоса, или тому, что ученик достойной Секты Саньцин до такой степени боится призраков, что не может ступить и шагу.

Неподалеку раздался скрип деревянных колес, и из темноты донесся голос:

— Они еще не пришли?

Цюй Фэнжу ответила глухо:

— Случилась заминка, я иду встретить их.

— Их? — Му Пин, сидевший в кресле-коляске, откинул занавеску и показал свое лицо. На его коленях лежала плетеная аптечка, пряди волос у висков тронула седина, а сзади волосы были стянуты шелковой лентой.

У него была бледная кожа, светлые, подернутые туманом глаза, и, несмотря на хрупкое телосложение, он выглядел как благородный, мягкий юноша. Его голос прозвучал тихо:

— Кроме этой младшей ученицы, кто еще?

Техника передачи голоса считалась высшим искусством совершенствования. Даже он вместе с Гу Чуньюнем и Ян Хуаем несколько недель пытались обучить этому Шэнь Мубай, но безрезультатно. А Тан Сыцзюэ послушал пару лекций, пролистал несколько книг — и уже свободно пользуется навыком.

Цюй Фэнжу, раздосадованная тем, что из ученицы никак не выходит толку, даже не расслышала вопроса наставника, лишь пробормотала себе под нос:

— Какая она младшая ученица... младшая свинюшка.

Му Пин, обладавший острым слухом культиватора сферы Зарождающейся Души: «?»

Тан Сыцзюэ хотелось рассмеяться.

Они вошли на самую оживленную улицу Сяньду полчасика назад, но до сих пор не миновали даже лавки у самого входа.

Младшая соученица сидела на корточках, обхватив голову руками, и бормотала какие-то бессвязные заклинания, наотрез отказываясь двигаться дальше.

Шэнь Мубай: Патриотизм, преданность делу, честность и дружелюбие, материалистическое общество, храни меня...

Тан Сыцзюэ посмотрел на небо:

— Соученица, нельзя больше медлить. Давай ты закроешь глаза, встанешь, и я поведу тебя за руку?

— Нет-нет, ни за что! А если я во что-нибудь врежусь?!

Шэнь Мубай действительно не могла пошевелиться. С самого детства её преследовали неудачи, а из-за слабой духовной ауры она то и дело сталкивалась с чем-то нечистым. Это оставило глубокий след, и теперь она до ужаса боялась подобных вещей.

Когда на место подросла Цюй Фэнжу, чтобы «спасти положение», она застала именно эту картину.

Тан Сыцзюэ, которого в Секте Цинюнь постоянно изнуряли физическими нагрузками, был в этом возрасте еще ниже Шэнь Мубай, но сейчас он уверенно тащил ее на своей спине.

Девушка вжалась в спину Тан Сыцзюэ, уткнувшись лицом ему в шею, как страус, прячущий голову в песок.

Цюй Фэнжу, взбешенная тем, что Шэнь Мубай мало того что нерасторопна, так еще и до такой степени труслива, выхватила на улице меч и рявкнула:

— Хоть капля достоинства у тебя есть, Шэнь Мубай? Живо слезай!

Шэнь Мубай:

— Не могу, не получается, мне страшно!

Они продолжали препираться всю дорогу. Цюй Фэнжу как ни пыталась, не могла оторвать Шэнь Мубай от соученика. Та вцепилась в Тан Сыцзюэ мертвой хваткой, словно хотела слиться с ним в одно целое.

— Почему ты не проявляешь такое упорство в культивации?

— Разве можно сравнивать вопрос жизни и смерти с учебой?!

— Если не будешь учиться, в конце концов все равно умрешь.

— Я признаю, что ты права, но мне сейчас страшно! И даже не думай разлучить меня с Тан Сыцзюэ!

От ярости лицо Цюй Фэнжу посинело.

<http://bllate.org/book/21968/2282364>